

**Е.В. Купчик (Тюмень)**

### **Образные парадигмы со словом «душа» в авторской песне 1960–1980-х годов**

Входя в ряд фундаментальных концептов, репрезентирующих нематериальный аспект личности, *душа* имеет в русской языковой картине мира весьма высокий статус. Этот «особый орган жизни, присущий исключительно человеку» [Урысон 1994: 231], занимает первое место в иерархии составляющих «модель» человека органов, что отличает русскую «модель», например, от английской с ее господством радио. А. Вежбицка относит *душу* к «непереводимым русским словам» именно на основании того, что *душа* являет собой «духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний центр, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь» [Вежбицка 2001: 17].

Е.В. Урысон, описывая закрепленные в русском языке значения слова *душа*, отмечает в качестве важнейших ее признаков следующие: нахождение внутри человека; способность вмещать различные проявления внутренней жизни; ценность души для человека; нематериальность, противопоставленность материальному телу; бессмертие [Урысон 1994: 220–223].

В русской поэтической традиции *душа* включена в ряд образных парадигм. Данные «Словаря поэтических образов» [Павлович 1999] свидетельствуют о том, что наиболее значимыми, основными здесь являются большие парадигмы *душа — существо*, *душа — пространство*, *душа — растение*, *душа — свет*, *душа —местилище*. Среди малых парадигм наибольшей развернутостью и объемностью отличается *душа — птица*. В разных мифопоэтических традициях птицы оказываются важнейшим элементом религиозно-мифологической системы, выступая как символы божественной сущности, верха, неба, свободы и т.д. [Мифы 1988: 347]. Представление о душе в виде птицы, глубоко укорененное в традиции, активно проявляет себя и в современном словесном творче-

стве. Весьма распространено и уподобление души человеку. Представляя сущность личности, она сопоставляется (или отождествляется) с человеком, имеющим определенный возрастной, половой, социальный статус и проявляющим себя в разных сферах деятельности. Источником многих образных соответствий служит животный и растительный мир, земное и воздушное пространство. Приписываемая возвышенной душе способность излучать свет лежит в основе парадигмы *душа — свет*: душа выступает в качестве источника света, естественного или искусственного (солнце, звезда, свеча, лампада и др.). Душа, заключающая в себе внутренний мир человека, издавна уподобляется вместилищу, например, сосуду. *Душа* входит и в другие парадигмы образов, сопоставляясь — по самым разным основаниям — с водой, огнем, звуком, тканью и т.д. [Павлович 1999: 255–269].

Традиционно значимый для русской поэзии образ души занимает в авторской песне весьма существенное место. В исследуемых нами текстах классиков авторской песни (Ю. Визбора, В. Высоцкого, А. Городницкого, Б. Окуджавы и др.<sup>1</sup>) обнаружены реализации 14-ти образных парадигм с левым членом *душа*.

Наиболее представительной (почти треть общего количества реализаций) является образная параллель *душа — существо*, практически целиком представленная малой парадигмой *душа — человек*. Для авторской песни оказывается нехарактерным сопоставление души с представителями фауны, в том числе с таким освященным традицией аналогом души, как птица или бабочка. В основе параллели *душа — птица* лежит способность летать, пребывать в высоте. Уподобленная летающему существу душа оказывается отъединенной от земного пространства, на котором разворачивается человеческая жизнь. Принадлежа иному миру, чем тело, душа традиционно противопоставляется последнему как относящемуся к земному «низу». В авторской песне душа, заключающая в себе всю полноту личности в рамках ее земного и посмертного существования, имеет не птичью, а именно «человеческую» природу, не находясь, как правило, в оппозиции к «земному». Определение души, данное Б. Окуджавой («*Что такое душа? Человек задумчивый, всем наукам печальным и горьким обученный*»), при всей субъективности отражает распространенное в авторской песне представление о душе прежде всего как о личности. Параллель *душа — человек* не носит характера сравнения — это скорее логическое определение, справедливое не только для окуджавского идиостиля.

Душа предстает субъектом некоторых человеческих действий. Так, души могут «сходиться» друг с другом, «воротяться с передовой» (Б.Ок.), находиться «в обнимку рядышком» (Е.Кл.), испытывать «человеческие» желания — например, устать «хотеть незнакомых путей» (А.Як.). Однако чаще всего душа получает качественную характеристику за счет прилагательных в полной и краткой форме: «*Душа моя щедра...*»; «*...справедливей, милосерднее и праведней она*» (Б.Ок.); «*Сегодня душа весела! Го-*

*раздо бодрей, чем вчера!»; «И лишь тобой душа жива»; «незрячие души» (Ю.К.), «беспокойная душа» (А.Як.) и др.*

Уподобляясь человеку, душа не является его копией. Человек в авторской песне 60–80-х гг. может быть, как и душа, носителем разного рода состояний, обладателем широкого спектра качеств, но в то же время являет себя активным деятелем: перемещается в пространстве — по земле, воде, воздуху (образ дороги в авторской песне — один из ключевых), играет на музыкальных инструментах, пишет, рисует и т.д. Душа же относительно статична, по отношению к действию она проявляет себя главным образом как объект, а не субъект. Наиболее важным является то, что совершается с ней — и в ней, что она переживает, чувствует, в каком состоянии пребывает.

Отражая сущность человека, душа оказывается и его важнейшим «органом», который вовлекается в то или иное состояние или переживание наряду с другими органами и частями тела, например: *«Все теперь как на ладони, лоб в поту, душа в ушах»* (Б.Ок.); *«У кого-то поясница, у кого — душа болит»* (Ю.К.); *«И рвут мне железом рот, Окурками тычут в душу»* (А.Гор.). Такая душа часто предстает страдающей, например, раненой или обожженной: *«Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог Штопаем ранения души»* (Ю.В.); *«Предательство... Души незаживающий ожог»* (А.Гор.).

Парадигмы *душа — человек* и *душа — орган* обнаруживают значительную близость, что позволяет объединять их в узком контексте, например: *«Эх, душа моя, косолапая, Ты чего болишь, кровью какая, Кровью какая в пыль дорожную ...»* (Ю.К.).

В творчестве разных авторов реализуется парадигма *душа — огонь*. Образ горящей души включен в два рода контекстов. В первом случае *огонь души* есть показатель ее возвышенности, одухотворенности, неравнодушия, что представляется важнейшим условием нормального бытия. Такое «огнеподобное» состояние души свойственно положительному герою, в том числе и лирическому: *«Огонь сосны с огнем души в ночи перемешайте»* (Б.Ок.); *«Не нужен мне ни порох, Ни пули, ни пыжи, Пока в моих патронах Огонь моей души»* (Ю.К.). Превращение души в костер, совершенное героем «Музыканта» Б. Окуджавы, расценивается как благое для души деяние: она становится «справедливей, милосерднее и праведней». Жар души так же важен, как и ее чистота и утонченность: *«Были души чистые, как хрусталь, Тоньше кружев, угольев горячей»* (Н.М.). В огне души проявляют себя лучшие качества личности.

В другом случае пламя, охватившее душу, связано с ее страданием. Образ такой души находит отражение прежде всего в поэзии Б. Окуджавы. Причиной страдания — и горения — души является, например, война, осознаваемая поэтом как бедствие, охватывающее не только внешний мир, но и человеческие души, причем именно последним наносится наибольший ущерб, тогда как мир материальный может продолжать обыденное (пусть и с поправкой на ситуацию) существование: *«Ехал всадник на коне.*

*Артиллерия орала. Танк стрелял. Душа сгорала*». Подверженной действию огня душа оказывается и в ситуации человеческого одиночества: *«Все чужие места да чужая даль. И мороз страшней, и душа в огне. А печаль-то, мой брат, печаль, печаль! Ах, кабы вспомнил кто обо мне»*.

Привнесенный извне огонь может не только опалить или сжигать душу, но и согревать ее. Например, воздействующая на героев Ю. Визбора музыка зовет их *«Страданье вылечить страданьем, А душу греть вином или огнем»*.

Образная парадигма *душа — вместилище* в авторской песне проявляет себя в уподоблении души некоему резервуару, размеры и материал которого варьируют в широких пределах — как и «содержимое», представленное разнообразными чувствами и состояниями человека. Такая душа может представлять собой сосуд, заплечный мешок, дом или нечто неназванное, но обладающее признаками вместилища (например, ограниченностью объема или способностью наполняться): *«О наш Памир! Как в рюкзаке, Тебя в душе мы унесем»* (Ю.В.); *«Ну кто еще так нежно обоймет? Так глубоко на дно души заглянет?»* (Е.Кл.); *«...И, словно дом гостей, Полна душа твоя пока Сомнений и страстей...»* (А.Гор.); *«Если в душе у тебя маята, Значит, не делом душа занята»* (Ю.К.). Душа — *вместилище* (при несходстве как самих вместилищ, так и их содержимого) имеет в авторской песне общую особенность: этот «сосуд» практически не бывает пустым, он заполнен — пусть даже потерями, как у Б. Окуджавы.

Парадигма *душа — пространство* отличается в русской поэтической традиции значительной развернутостью: душа уподобляется как земному или воздушному пространству в целом, так и его многочисленным объектам. В авторской песне данная парадигма реализуется как уподобление души главным образом земному пространству, порой подчеркнуто «вещественному». Так, у Е. Клячкина это пространство может быть заснеженным или промокшим под дождем: *«...снега заваливают душу...»*; *«В Тынде дождь — неприятно, конечно, Но тысячекратно опасней, Если вдруг под промозглым дождем Потечет и раскиснет душа»*. Освоение такого пространства, обширного и загадочного, представляется желательным для познания человека: *«А я сто лет в душе твоей плутаю И не могу никак тебя узнать»* (Ю.В.); *«Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный в любую сторону твоей души!»* (Б.Ок.). В «собственном» пространстве души человек распоряжается по-хозяйски; так, герой Ю.Визбора отправляет *«в самый край души»* нежелательные предчувствия — причем *«пинками»*.

Представление о душе как о *ценности*, находящее отражение в творчестве разных авторов, открыто декларируется у Ю. Кима, в чьих песнях правый элемент парадигмы *душа — ценное* представлен такими реализациями, как *«бесценный дар»*, *«мой единственный клад»*, *«нерастраченная»* (ср. *«наличность души»* у Ю. Визбора). Ценность души у Кима связана с ее светоносностью. Так, дарованная Богом человеку душа определяется как *«негасимый свет, бесценный дар»*; спящего человека отличает

обилие *«тепла и света нерастроченной души»*. Свет души, имеющий божественную природу, представляется вечным и необходимым для душевного — и духовного — прозрения личности: *«Души незрячие наши да сподобятся вечного света»* (Ю.К.).

Вышеупомянутые парадигмы с левым элементом *душа* включают большую часть нашего материала (свыше ста реализаций), распределяясь следующим образом: *душа — существо (человек)* — 26%, *душа — огонь* — 15%, *душа — вместилище* — 14%, *душа — тело (орган)* — 14%, *душа — пространство* — 8%, *душа — ценное* — 6%, *душа — свет* — 5%.

Укажем парадигмы, представленные небольшим количеством реализаций.

Душа — транспорт (судно): *«Я хочу, чтобы плескалась душа, Словно лодка в камышах»* (Е.Кл.); *«Но ушли они (души. — Е.К.) в перестук мечей, Словно к мысу Горн — корабли»* (Н.М.);

Душа — вещество: *«А у меня душа — она почти из воска...»* (Б.Ок.); *«Были души чистыми, как хрусталь...»* (Н.М.);

Душа — вода: *«Много нас скиталось по чужбине, Баламутя души по пути»* (Ю.В.).

Душа — музыка: *«Все глуше музыка души...»* (Б.Ок.).

Душа — растение: *«А у меня душа...податлива, тонка, наивна, как березка»* (Б.Ок.);

Душа — ткань: *«Были души...тоньше кружев»* (Н.М.);

Душа — предмет: *«И молча глядеть на ночную дорогу, Чтоб компас души верный путь указал»* (Ю.В.).

Рассмотрение образных парадигм с левым элементом *душа* в текстах авторских песен «классического» периода приводит нас к выводу о первостепенной значимости *души* как составляющей человека. *Душа* в данных текстах отличается повышенной частотностью (по сравнению с другими «элементами» человека) и включенностью в целый ряд образных парадигм, наиболее значимые из которых (*душа — существо, душа — огонь, душа — вместилище* и др.) представляют собой источник информации об основных особенностях феномена *души* в авторской песне.

В литературной традиции *душе* присущи некоторые действия живого существа — это главным образом перемещение в пространстве (как по горизонтали, так и по вертикали). Авторская же песня почти не дает материала, анализ которого позволяет сделать такой вывод. О движении души упоминается в единичных случаях (например, окуджавское *«Руки на затворе, голова в тоске, а душа уже взлетела вроде»*). Возможно, это связано с неразделенностью (или, по крайней мере, с «неопозиционностью») души и тела героя авторской песни: душа заключает в себе всю полноту человеческой личности в рамках ее земного и посмертного существования. Степени свободы души внутри тела и за его пределами объективно различны, вместе с тем душа достаточно свободна и в телесном облике. Традиционное представление о теле как темнице души не находит сколько-нибудь заметного отражения в текстах рассмотренных нами автор-

ских песен. Ситуации, в которых душа человека получает возможность перемещения, сводятся к двум типам. Во-первых, это смерть человека с неперенным разлучением души и тела; во-вторых — особое состояние сознания, при котором душа *мыслится* обособленной от тела, живущей собственной, «не телесной» жизнью (поэтическое вдохновение, мечта и др.). При этом человек, как правило, сохраняет целостность собственной личности, не «раздваиваясь» ни в реальном, ни в ирреальном мире; и за чертой смерти он практически не представлен только как *душа*, которая не предстает приземленной, ей свойственна крылатость.

Душа, отражающая суть человеческой личности, ее состояния, настроения и под., получает главным образом качественную, признаковую характеристику. Следует отметить, что *душа* в «классической» авторской песне — атрибут прежде всего положительного героя, отрицательные же, как правило, «бездушны».

Будучи вместилищем, *душа* заключает в себе наиболее значимое для человека. То, что привносит в душу беспорядок, нарушает ее гармонию, расценивается как бесполезное. Вывод Ю. Кима «Если в душе у тебя маята, Значит, не делом душа занята» логически вытекает из бытующего в авторской песне представления о необходимости для человека «наводить порядок» в собственном внутреннем мире. Одно из главных требований, предъявляемых к душе, — отсутствие в ней пустоты, наполненность ее — пусть даже потерями. Души героев причастны огню и свету, отличаются чистотой и утонченностью. Вместе с тем они могут быть «суровыми» и «жесткими», могут «застыть»; в таких случаях особенно благотворным представляется внешнее воздействие, вызывающее сильные положительные эмоции, — например, любовь или искусство.

По отношению к действию *душа* проявляет себя по преимуществу в качестве не субъекта, а объекта, внешнее влияние на который нередко носит насильственный, иногда агрессивный характер. Субъектом подобного воздействия может быть сам герой, например, сжигающий собственную душу (у Б. Окуджавы), но чаще — некая посторонняя сила. Эти воздействия служат побудительной причиной возникновения разнообразных душевных состояний, среди которых особенно выделяется *страдание*. Душа несет на себе следы ударов жизни, которая в русской картине мира порой выглядит существом, применяющим к человеку меры физического воздействия. В творчестве разных авторов душа предстает страдающей — раненой, обожженной. Вместе с тем страдание способно принести душе пользу — например, сделав ее добрее, мягче, выведя ее из оцепенения. Едва ли не главное требование, предъявляемое героем к душе, заключается в том, чтобы эта душа была «жива».

Образные парадигмы с левым элементом *душа* в песенном творчестве разных авторов представлены неравномерно. Наиболее богатый материал в данном отношении дают тексты Б. Окуджавы (рассматриваемые нами ранее в данном аспекте — [Купчик 2002]) и Ю. Кима.

### Примечания

1. Источники материала: Ю. Визбор (Ю.В.). Сочинения. В 2-х томах. Т.1. М., 1999. 559 с.; В. Высоцкий (В.В.). Сочинения. В 2-х томах. Т.1. Екатеринбург, 1997. 544 с.; А. Галич (А.Г.). Облака плывут, облака. М., 1999. 496 с.; А. Городницкий (А.Гор.) Острова в океане. М., 1991. 320 с.; Ю. Ким (Ю.К.). Летучий ковер. М., 1990. 176 с.; Е. Клячкин (Е.Кл.). Живы, откуда любимы. СПб., 2000. 656 с.; Н. Матвеева, И. Киуру (Н.М.). Мелодия для гитары. М., 1998. 416 с.; Б. Окуджава (Б.Ок). Чаепитие на Арбате. М., 1988. 576 с.; А. Якушева (А.Як.). Песня — любовь моя. М., 2001. 368 с.

### Литература

1. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
2. Купчик Е.В. «Что такое душа?...» // Окуджава: проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С.129–137.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд-е. М., 1988.
4. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. Т.1. М., 1999.
5. Урысон Е.В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6. С. 219–231.